

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

Латиноамериканские левые на пути к Народному фронту в 30-е годы XX в.

В настоящей статье анализируются особенности формирования линии поведения латиноамериканских левых в 30-е годы, исследуется роль Коминтерна в этом процессе. Рассматривается участие одного из руководителей латиноамериканского «направления» Коминтерна Георгия Скалова в подготовке восстания в Бразилии в 1935 г.

Ключевые слова: Коминтерн, бразильское восстание 1935 г., Скалов, Престес, Народный фронт.

70 лет тому назад была распущена всемирная коммунистическая партия — III Коммунистический Интернационал (Коминтерн). Одна из самых трагических и таинственных страниц его истории — восстание 1935 г. в Бразилии под руководством легендарного «рыцаря надежды» Луиса Карлоса Престеса — дает серьезный повод для попытки анализа стратегии и тактики мировой революции, являвшейся целью всей деятельности Коминтерна.

Представляется, что сегодня, когда целый ряд стран региона управляются силами, действующими в рамках парадигмы так называемого левого поворота (от умеренных до весьма радикальных левых сил), а российско-латиноамериканские отношения явно находятся на подъеме, есть необходимость исследовать первоначальный этап этих отношений и левое направление политической мысли, переживших резкие выражения и явивших примеры совершенно разных векторов развития политической стратегии.

Бразильское восстание 1935 г. и его теоретическая подготовка были освещены в литературе. Интересная книга о судьбе революционерки Ольги Бенарио-Престес и ее роли в восстании была написана бразильским журналистом Фернандо Морайсом¹. Главы из нее опубликовал журнал «Латин-

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ, профессор Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения; Лазарь Соломонович Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований СПбГУ, представитель ИЛА РАН в Санкт-Петербурге (ilaranspb@hotmail.com).

ская Америка» (1989, № 1—6, 9—12). Серьезному анализу эти сюжеты были подвергнуты в исследованиях мэтра отечественной латиноамериканистики Б.И.Ковалёва². Но в них, к сожалению, не были использованы (или были недостаточно использованы) документы архива Коминтерна. Этот недостаток был частично исправлен в работе бразильско-германского ученого Вильяма Ваака, проанализировавшего материалы Коминтерна³. Уже в текущем столетии важные публикации по данной тематике были подготовлены И.И.Янчуком и С.М.Розенталь⁴. Однако ни в одной из указанных работ в полной мере не отражена роль Георгия Борисовича Скалова (псевдоним Синани) — одной из ключевых фигур в подготовке восстания 1935 г. Это влечет за собой необходимость снова обратиться к теме формирования «латиноамериканской» стратегии Коммунистического Интернационала.

У ИСТОКОВ ПОЛИТИКИ КОМИНТЕРНА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Латинская Америка долгое время оставалась на периферии коминтерновской политики. Следует признать правоту патриарха исследования истории латиноамериканского коммунистического движения Роберта Александера (хотя он сам писал, что в значительной мере основывается «на предположениях и догадках»), считавшего, что у московского штаба мировой революции не было целенаправленной политики, внятной идеологии на этом направлении деятельности международной компартии. Это определялось несколькими обстоятельствами. Потенциал и перспективы латиноамериканской революции не являлись предметом глубокого научного исследования марксистами по простой причине: в Латинской Америке как до октября 1917 г., так и в первые годы существования Коминтерна просто не было серьезных теоретиков, готовых взять на себя труд по интерпретации латиноамериканских реалий с позиций марксизма. В отличие от Европы, где Коминтерн мог опереться на левые течения старых социал-демократических партий, в Латинской Америке для развития компартий не было серьезной политической базы.

В то же время упрек Исполкому Коминтерна (ИККИ) в полном игнорировании Нового Света при определении стратегии «мировой революции» был бы несправедливым. В Москве этот регион рассматривали сквозь призму необходимости революционного удара по империалистическим государствам через их колонии. Секретарь Коммунистической партии Америки (Communist Party of America, CPA) по международным делам Луис Фрайна призывал рассматривать всю Латинскую Америку как «колониальный базис империализма Соединенных Штатов. <...> Необходимо бороться с этим империализмом, развивая революционное движение в Латинской Америке, точно так же как необходимо бороться с британским империализмом, развивая революционное движение в его колониях... Это движение и движение в Соединенных Штатах должны быть рассматриваемы как одно целое. Наши стратегия и тактика должны быть рассчитаны на американскую революцию во всей Америке»⁵.

Коминтерну не хватало харизматических лидеров, способных повести массы на революционные бои. В 20-е годы Москва попыталась сделать ставку на перуанского студенческого лидера Виктора Рауля Айя де ла Тор-

ре, по мнению компартии Мексики (Partido Comunista de México, РСМ) сделавшего «больше для наших [коммунистических] идей, чем смогли достичь наши газеты на испанском языке». Генеральный секретарь РСМ Мануэль Диас Рамирес считал, что было бы «почти несчастьем ...не использовать его энергию, личность и разум из-за отсутствия каких-то мелочей»⁶. И сам Айя де ла Торре хотел «поехать в Россию, чтобы защищать ее сознательно». Важнейшим итогом его вояжа в СССР стало установление неформальных контактов с ответственными работниками Коминтерна, поддерживавшихся несколько лет. Перуанский гость V конгресса, вошедший в историю как основатель Американского народно-революционного альянса (Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA), гордившегося своей независимостью от «европейского» III Интернационала, на протяжении большей части 20-х годов XX в. был не просто лояльным к штабу мировой революции активистом. Он вместе с функционерами Коминтерна размышлял о способах реализации революционных идей всемирной компартии в рамках латиноамериканского движения.

Руководство APRA всегда публично отрицало идеологическую и организационную связь своей организации с коммунистическим движением. Небезызвестный апристский миф гласит: во время пребывания Айя де ла Торре в Москве ему было предложено примкнуть к Коминтерну, однако он отказался и с тех пор навсегда вошел в числе врагов коммунистов⁷. На практике все было совсем не так. Во время поездки Айя де ла Торре по Европе ИККИ рекомендовал компартиям оказывать ему помощь, а сам перуанский неофит рассматривался в Интернационале как доверенное лицо, один из потенциальных лидеров коммунистического движения в Новом Свете⁸.

И свою партию Айя де ла Торре предполагал строить на **организационных принципах компартии**, «с необходимой адаптацией и созданием новых элементов». Взяв власть, APRA намеревалась просить СССР направить военных советников, миссию для политического образования; создать в высокогорных районах Перу русские сельскохозяйственные колонии. После укрепления власти в руках APRA и по мере снижения опасности контрреволюции и империалистической интервенции правительство должно было **«эволюционировать в сторону более радикального коммунизма»** (выделено нами. — В.Х., Л.Х.). «...Несомненно, если мы собираемся сделать революцию с помощью России, нам надо бы подождать революции в Европе, то есть намного больше, чем нам надо для захвата власти в Перу. Поэтому нам нужна ориентация, а потом пусть нам оставят свободу рук»⁹.

Первая программа APRA как калька повторяла многие идеи, высказанные в письмах его лидера в Коминтерн, но в то же время провозглашала Альянс «латиноамериканским автономным движением без какого-либо иностранного вмешательства или влияния»¹⁰. Прокоминтерновская позиция Айя де ла Торре не была тайной для активистов его партии. В письме секретарю Карибского сектора и ячейки Мехико APRA Эстебану Павлетичу¹¹ он писал: «Вопрос стоит о придании нашему движению реального характера: коммунистического, марксистского, ленинистского. **НЕ ГОВОРИМ ОБ ЭТОМ, НЕ НАЗЫВАЯ СЕБЯ КОММУНИСТАМИ ИЛИ ЛЕНИНИСТАМИ** (здесь и далее выделено в тексте документа), но действуя в качестве таковых... **ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ** придать нашему антиимпериалистическому движению массовый характер, революционную

силу — сделать его типично латиноамериканским как китайское движение, как марокканское движение, если угодно. **ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ** придать ему силу и влияние заключается в том, чтобы не наклеивать ему ярлык, заявляя, что это вещь, сделанная в Москве и оплаченная в Чикаго...»¹². Главная роль APRA заключается в том, чтобы быть международной антиимпериалистической партией по форме и тактической основе и коммунистической дисциплине, но, не говоря об этом, не крича на весь мир как проститутки и истерики: «Посмотрите на меня, я коммунист, я ленинист и русский!». Это мне кажется смешным. Наш APRA будет большой партией антиимпериалистических масс и попытается призывать Латинскую Америку к революционному националистическому действию против янки (бойкоты, и т.д.), пытаясь в то же время организовать в каждой национальной секции партии штурм власти...»¹³.

Даже после разрыва с Москвой Айя де ла Торре продолжал считать себя **«хорошим марксистом и ленинистом»** (выделено нами. — В.Х., Л.Х.), «стоящим на реалистической точке зрения», и выражал согласие с теоретическими подходами Коминтерна к проблемам Латинской Америки: «С марксистской точки зрения это совершенно правильно, но меня главным образом интересует вопрос, что делать (подчеркнуто в документе). Методы, которые вы мне рекомендуете, кажутся мне слишком европейскими, и я всегда указывал <...> на необходимость разрешать проблемы Латинской Америки с «азиатской, а не европейской точки зрения, выражая уверенность «в том, что только реалистический подход может избавить антиимпериалистическое движение в Латинской Америке от ошибок и ложных шагов»¹⁴.

Коминтерновские чиновники отвергли проект континентальной революции Айя де ла Торре. Они отказались от возможности альянса с Союзом националистов (Unión Nacionalista, UN) ради свержения режима Херардо Мачадо (1925—1933), предложенного харизматическим лидером кубинского антиимпериалистического движения Хулио Антонио Мельей. Их не устроил план вооруженной экспедиции против диктатуры Хуана Висенте Гомеса (1908—1935 гг.), долгие годы вынашивавшийся коммунистической группой в руководстве Венесуэльской революционной партии (Partido Revolucionario Venezolano, PRV), и попытка Социалистической революционной партии Колумбии (Partido Socialista Revolucionario de Colombia, PSRC) заключить союз с либералами для совершения переворота, план колумбийского анархо-синдикалиста Рауля Маэчи подготовить вооруженное выступление при поддержке корпорации Рокфеллера. Даже в случае антиимпериалистической борьбы в Никарагуа Коминтерн больше использовал фигуру Аугусто Сесара Сандино в пропагандистских целях, нежели оказывал ему практическую помощь.

КОМИНТЕРН МЕЖДУ НАРОДНЫМ ФРОНТОМ И ВОССТАНИЕМ: ПЕРИПЕТИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ В 30-Е ГОДЫ

Но несколько лет спустя, в середине 30-х годов, латиноамериканское направление деятельности превратилось в своеобразный полигон для испытания новой стратегии всемирной коммунистической партии, отражая процессы, протекавшие в революционном движении на континенте в пре-

дыдущие годы и связанные с ними дискуссии внутри коммунистических партий и непосредственно в Москве, в штаб-квартире III Интернационала. Новые руководители латиноамериканского направления работы Коминтерна (Скалов, Ван Мин, Владимир Михайлович Мирошевский, Август Яковлевич Гуральский и др.) впервые попытались соединить собственное понимание марксизма-ленинизма с реальным опытом деятельности коммунистов на континенте.

Противоречия в подходе всемирной компартии к революции в странах региона явно проявились на Третьей конференции компартий Южной и Караибской Америки (Москва, 1934 г.)¹⁵, обозначившей еще до VII конгресса Коминтерна (хотя и очень робко) путь к организации Народного фронта (НФ)*. Но одновременно, уже весной 1934 г., началась форсированная подготовка вооруженного восстания в Бразилии, формально базировавшаяся на идее НФ, но являвшаяся, по сути, авантюрой, притом запоздалой (в 20-е годы Москва отказалась от поддержки ряда перспективных национально-демократических проектов, которые могли быть осуществлены при активной и даже ведущей роли коммунистов. К середине же 30-х годов обстановка была иной. Время безвозвратно ушло).

Применение принципов широкого альянса левых сил по-разному осуществлялось в латиноамериканских странах. Успешно проект НФ был осуществлен в Чили. На Кубе реализация программы Хулио Антонио Мельи по его формированию привела к превращению компартии в 30-е годы во влиятельную политическую силу. Попытка же возродить альянс коммунистов APRA в Перу оказалась безуспешной. В Мексике лозунг «Единство любой ценой», выдвинутый Москвой в годы пребывания у власти прогрессивного президента Ласаро Карденаса (1934—1940 гг.), нанес сильнейший удар по независимому левому движению, став одним из факторов его маргинализации в конце 30-х годов и оттеснения на обочину политической жизни.

Серьезное политическое осмысление возможностей тактики НФ началось в коммунистическом движении Латинской Америки еще до того, как они громко прозвучали на VII Всемирном конгрессе Коминтерна. Уже при

Август Яковлевич Гуральский

* Народный фронт — политический союз, как правило, объединяющий левые и левоцентристские силы (социал-демократов, коммунистов, радикалов) для противостояния правым и ультраправым. Методика использования НФ в политической борьбе стала внедряться в середине 30-х годов XX в. НФ выступали против фашизма и войны, в защиту экономических интересов трудящихся.

организации Первой конференции компартий континента в Буэнос-Айресе (1929 г.) была проведена достаточно серьезная теоретическая подготовка. Но эта конференция продемонстрировала серьезный недостаток: стремление детализировать, привязать уже принятые VI конгрессом Коминтерна решения к условиям Латинской Америки. А после вывода из руководства III Интернационала за «правый уклон» швейцарца Жюля Эмбер-Дро, отвечавшего за латиноамериканское направление, все эти решения в той или иной степени подверглись переосмыслению. Вторая конференция компартий региона (1930 г.) не сыграла существенной роли в развитии марксистско-ленинской теории. Ее созыв был связан с пребыванием в Москве на V конгрессе Профинтерна большой группы латиноамериканских коммунистов, не входивших в высшее руководство своих партий и не являвшихся партийными теоретиками. Дискуссия 1930 г. фактически превратилась лишь в обмен мнениями между представителями компартий и московским руководством.

Третья конференция компартий Латинской Америки обернулась подлинным мозговым штурмом для разработки стратегии и тактики революционного движения; состоявшиеся на ней дискуссии носили принципиально иной характер, хотя идея ее проведения и была случайной. Штаб-квартира Коминтерна изменила сроки проведения VII конгресса, однако латиноамериканские делегаты уже находились в дороге или даже прибыли в Москву, и было решено использовать их приезд для обсуждения зарождавшейся идеи поворота в политике всемирной компартии. Высоким оказался уровень представительства руководящих органов Коминтерна: Дмитрий Захарович Мануильский, Ван Мин, Фриц Геккерт, Пальмиро Тольятти.

Среди делегатов конференции были известные партийные лидеры, проявившие себя как организаторы и теоретики революционного движения: кубинцы Блас Рока и Хорхе Виво, аргентинцы Родольфо Гиольди и Паулино Гонсалес Альберди, перуанец Эудосио Равинес, мексиканец Эрнан Лаборде, чилиец Карлос Контрерас Лабарка, уругваец Эухенио Гомес, будущий лидер компартии Бразилии (Partido Comunista do Brasil, PCB) Луис Карлос Престес, а также Отавиу Брандао. В дискуссиях участвовали латиноамериканцы — слушатели Международной ленинской школы (МЛШ). К этому времени в аппарате Коминтерна под руководством Г.Скалова сложилась исследовательская группа, пытавшаяся целенаправленно и планомерно изучать в интересах мировой революции проблемы Латинской Америки. Помимо самого руководителя де-факто Лендерсекретариата Южной и Карибской Америки (ЮКА) в нее входили: первый советский исследователь революционного движения в Мексике Станислав Пестковский, Владимир Мирошевский, Морис Хаскин, Генрих Якобсон, Лев Хайкис, Август Гуральский, Инесса Тульчинская, Захарий Рабинович и др.

В центре внимания конференции и руководства Коминтерна оказалась Бразилия. Здесь ИККИ в середине 30-х годов предпринял уникальную попытку совместить тактику НФ с тактикой вооруженного восстания, превратив бразильскую форму союза антифашистских, антиимпериалистических сил — Национально-освободительный альянс — в центр подготовки вооруженного восстания.

Возможно, с момента попытки организации «Германского Октября»* в 1923 г. в штаб-квартире Коминтерна не проводилась столь интенсивная работа по организации вооруженного революционного выступления. Координационным центром стала созданная еще в марте 1934 г. постоянная комиссия по делам Южной и Караибской Америки в составе Д. Мануильского, С. Лозовского, В. Кнорина, Б. Васильева, А. Гуральского и Г. Скалова. Протоколы заседаний комиссии напоминают отчеты заседаний военных советов. Собственно именно эту функцию — функцию генерального штаба подготовки восстания — комиссия и исполняла. В экстренном порядке (в трехдневный срок) требовалось подобрать кандидатуры представителей Коминтерна и Профинтерна для работы в Южноамериканском бюро.

Дмитрий Захарович Мануильский

Москва сформировала группу для оперативного (в течение месяца) изучения опыта «партийно-военно-советского строительства в Китае»¹⁶, в состав которой вошли аргентинец, кубинец, мексиканец, бразильцы. Было принято решение направить «в страну»¹⁷ для проведения необходимой организационно-партийной подготовки через Южноамериканское бюро Орестеса Гиольди (Моралеса), которому поручалось выехать из Москвы в течение месяца для создания суббюро для связи со страной. Синани предстояло организовать «укрепление за счет переброски» (30 человек, 3 очереди). Отделу международной связи ИККИ (ОМС) предлагалось обеспечить прямые контакты суббюро («не только телеграфные, но и письменные») с Монтевидео (где располагалось Южноамериканское бюро Коминтерна) и штаб-квартирой III Интернационала. Было решено организовать расширенный вызов слушателей в МЛШ, не ожидая нового набора (10—15 человек), договорившись со школой о содержании курса¹⁸.

Особый план предусматривал изучение Бразилии (государственное устройство, политические группировки, видные политические деятели, журналисты, высшие офицеры и т.д.; вооруженные силы (состав, организация, вооружение, уставы, боевые операции за последние годы («борьба против престистов**», про-

* «Германский Октябрь» — план ИККИ по осуществлению вооруженного восстания с целью захвата власти немецкими коммунистами в Веймарской республике. Революция была запланирована на 9 ноября 1923 г., но выступление в последний момент было отменено Политбюро ЦК ВКП(б).

** Речь идет об участниках и сторонниках бразильского восстания 1924 г. и похода «непобедимой колонны» Луиса Карлоса Престеса.

тив кангасейросов*, восстание в С.[ан] Пауло и др.)). Другими направлениями исследования были социально-экономические условия, экономический кризис, иностранные интересы, положение рабочего класса и крестьянства, черного и индейского населения и т.д.¹⁹.

Среди кадровых вопросов выделяется поручение заведующему Организационным отделом ИККИ Борису Афанасьевичу Васильеву и Синани договориться с Яном Карловичем Берзиным (в тексте Березиным. — В.Х., Л.Х.)²⁰ о «вызове тов. Х.». Речь шла о подборе представителя разведки, призванного координировать нелегальную работу по подготовке восстания²¹. Перед Орготделом также ставилась задача в семидневный срок наметить двух-трех иностранных военных специалистов для подготовки к работе в Бразилии. Лендерсекретариат ЮКА (Гуральский — Синани) получил указание за три дня подготовить список товарищей, которых можно перебросить из других компартий для укрепления партийной и профсоюзной работы (при этом они должны были быть распределены на две-три группы по очередности).

Развернулась подготовительная работа, однако, как в любой бюрократической структуре, ее темпы отставали от поставленных задач. Поэтому, проверив через месяц ход выполнения прежних решений, комиссия во главе с Дмитрием Захаровичем Мануильским решительно потребовала: закончить лекции Ван Мина и провести беседу с Павлом Александровичем Мифом²² «о применении китайского опыта к условиям ЮКА»; «закончить с тт. Моралесом (О.Гиольди) и Фернандесом (Л.К. Престесом) курс по технике подполья и конспирации»; составить список товарищей из компартий Польши, Германии, Италии, Венгрии, балканских стран, «могущих быть использованными для международной работы»; в трехдневный срок «наметить кандидатуру руководящего военного товарища» и «обсудить вопрос о кандидатуре т. Х.» (представителя разведки)²³.

«КИТАЙ» В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ?

В научной литературе марксистского направления сложилась традиция объяснять события в революционном движении Латинской Америки середины 30-х годов «некоей странной надеждой на возможность повторения опыта китайской революции в Бразилии», причем данная идея приписывается Жюлю Эмберу-Дро, А.Гуральскому и Г.Скалову. «Эти люди в своеобразной форме отразили ту новую волну левокоммунистической тенденции, которая вновь временно оживилась в ИККИ после VI конгресса Коминтерна. Получив удар на «восточном фронте», эта тенденция как бы переключалась в сферу Латинской Америки»²⁴.

На наш взгляд, данное определение никак не может быть отнесено к Жюлю Эмбер-Дро, еще в 1929 г. отстраненному от руководства латиноамериканской политикой III Интернационала. В литературе создан явно

* Кангасейрос — общее название различных крестьянских групп, участники которых, бросив прежние сельскохозяйственные занятия, сформировали вооруженные банды на северо-востоке Бразилии (с середины XIX в. до середины 1930-х годов). Большинство из них жило за счет грабежей крупных асьенд; движение кангасейрос является примером воздействия социальных проблем на криминализацию общества. Кангасейрос стали частью бразильского фольклора.

демонизированный образ Георгия Борисовича Скалова: «К сожалению, левокоммунистическая тенденция не только шла снизу, но и насаждалась «сверху» — со стороны латиноамериканского Лендерсекретариата ИККИ... и особенно его руководителя Г.Б.Скалова (псевдоним — Синани: от «Сина» — Китай). Проведя несколько лет в Китае в составе военных советников при Гоминьдане в 1925—1927 гг., Синани на всю жизнь уверовал в то, что именно китайский маршрут революции «из деревни в город» и только вооруженные методы борьбы приемлемы для всех колониальных и зависимых стран, в том числе и для Латинской Америки. Особые надежды Скалов возлагал на «латиноамериканский Китай» — Бразилию». Установка Лендерсекретариата расценивается в рамках данной концепции только как «лево-сектантская, путаная и явно утопическая»²⁵.

Подтверждением такого обвинения в адрес Скалова как вдохновителя указанной линии является ссылка на его утверждение: «Главный лозунг Коминтерна — Советская власть (XIII пленум ИККИ) становится в странах ЮКА (Южной и Карибской Америки) основным лозунгом сегодняшней (!) борьбы, лозунгом массового действия»²⁶. Однако, если внимательно вчитаться в скаловские слова, становится понятным главное: данная линия действительно насаждалась «сверху», но этим «верхом» не был и не мог быть Лендерсекретариат — рабочий орган ИККИ. И не Скалов являлся автором идеи. Он как дисциплинированный, инициативный солдат (в его случае — офицер) мировой революции лишь выполнял команду маршалов и генералов, озвучив решения последнего пленума Исполкома Коминтерна, который в перерывах между конгрессами являлся высшим органом всемирной коммунистической партии. Безусловно, процитированный лозунг являлся директивой и для других регионов, Латинская Америка не была исключением²⁷.

При этом следует понять, что было первично: китайский опыт Скалова или же видение латиноамериканских проблем руководителями III Интернационала, отвечавшими за подбор кадров. Отметим, что упрек в стремлении навязать Латинской Америке «китайский путь» был впервые брошен Скалову еще при рассмотрении его персонального дела в 1935 г.²⁸ И тогда он, отвечая своим обвинителям, сказал: «Оказывается, я указывал троцкистско-зиновьевский путь в Бразилии. Все то, что относится к разработке возможностей в Бразилии, все то, что относится к разработке возможностей в странах ЮКА, разработано прежде всего не мною, а тов. Мануильским вместе со мною и другими товарищами, также Гуральским и т.д. Идея возможности победы советской революции первоначально в отдельных районах на базе подготовки коммунистической партией этих районов, на базе подготовки развертывания революционного движения — эта идея тов. Мануильского обсуждалась в очень узкой комиссии. Не могу более подробно это рассказать. Напрасно это приписывается мне, тем более, что ничего зиновьевского в этой теории нет»²⁹.

Скалов в целом был прав. Известно, что первоначально предполагалось направить его военным советником Коминтерна при ЦК компартии Китая. В подготовительный период командировки Скаловым был даже разработан план создания китайской Красной армии. Это назначение обсуждалось на самом высоком уровне: Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович³⁰. Но в последний момент было принято иное решение, и на Дальний Восток по-

ехали другие. А Георгий Борисович с его китайским опытом возглавил латиноамериканское направление работы Исполкома Коминтерна и с присущими ему энергией и энтузиазмом радикально перестроил эту работу. Подобная ротация кадров явно свидетельствовала об усиленном внимании к распространению китайского опыта на колониальные и полуколониальные страны, к которым, по мнению Коминтерна, относилась и Латинская Америка. Скалов же оказался нужным человеком на нужном месте. Нельзя также забывать, что его личный китайский опыт был опытом поражения китайской революции, хотя веру в ее потенциальные возможности он не утратил.

Наконец, нельзя так однозначно связывать с Китаем происхождение псевдонима Синани. Есть серьезные основания предполагать, что Скалов, находясь в Китае, выбрал этот псевдоним не только потому, что в нем было англизированное название этой страны, но и потому, что по совместной работе в Петроградском Совете после Февральской революции помнил харизматичного молодого офицера с такой фамилией — Бориса Синани, одного из организаторов ликвидации корниловского мятежа. Но сказать вслух это в советское время он не мог никому и никогда, ведь тот Синани был эсером.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, Скалов играл экстраординарную роль в организации деятельности работы Коминтерна на латиноамериканском направлении, в том числе при организации восстания Национально-освободительного альянса. Однако приписываемый ему образ «злого гения» латиноамериканской революции совершенно не соответствует реальности.

Интересно обоснование борьбы Синани с «престизмом» некоторыми фактами его биографии («в прошлом меньшевик, участник антисоветских мятежей, только в 1919 г. перешедший на сторону красных»)³¹. Зададимся вопросом: как кратковременный меньшевизм Скалова в 1917—1918 гг. и его участие в борьбе против Советской власти, которую он считал «тогда (в 1918 г.) властью ошибающейся части рабочего класса»³², мог стать основой для идеи о вооруженной борьбе как доминирующем методе революции? Где в идеологии партии меньшевиков можно найти что-либо подобное? Разве не именно реформизм является главнейшим отличием этого течения российской социал-демократии от взглядов большевиков?

Попробуем на нескольких примерах разобрать теоретические концепции самого Скалова. Приведем одно из его высказываний о «престизме»: «Престижизм — это мелкобуржуазное течение, мелкобуржуазная идеология, но отсюда не следует обратный вывод, что всякая мелкобуржуазная группа и течение есть престижизм. Нельзя так брать всякие общие «измы». Что такое престижизм? Вера в мелкобуржуазного вождя. Мы тогда увидим, что если идти по такому определению, то левый Гоминьдан в Китае мы также подведем под престижизм. Это такая тощая абстракция, которая не дает возможности различать отдельные мелкобуржуазные течения... Престижизм есть определенное, исторически обусловленное временем и местом течение мелкой буржуазии, и совершенно ясно, что пережитки этого течения еще сильны сейчас, к сожалению, и в партии. Престижистские иллюзии существуют еще в массах Бразилии. Но все таки не будем представлять партию в Бразилии прикрытой вечной ночью, в которой все кошки серы и в которой все мелкобуржуазные течения являются престижистскими»³³.

Что в этом высказывании расходится с генеральной линией Коминтерна, принятой VI конгрессом? Разве не боязнь потери компартиями своего лица и своей гипотетической роли гегемона в революции были решающими при запрете лидеру Коммунистической партии Кубы (Partido Comunista de Cuba, PCC) Мелье сотрудничать с националистами; отказе в поддержке стратегии PRV, готовившей вооруженную экспедицию в Венесуэлу; категорическом требовании к коммунистам Колумбии и Перу не прятаться за имя Социалистической партий, а выступать с открытым забралом? Скалов же, соглашаясь с мнением о необходимости борьбы с престизмом, тем не менее считал, что в «революционной борьбе коммунистическая партия могла в известной степени использовать в своих интересах и некоторые преститские и непартийные широкие массы для того, чтобы расширить свои ряды, для того, чтобы укрепить свое влияние, но при одном условии <...> если мы престизм не будем уподоблять империи инков...»³⁴.

Еще в 1932 г. при подготовке тезисов «Задачи Латино-Американских компартий в профдвижении», Скалов заявил, что выставление лозунга «класс против класса» в странах Южной и Караибской Америки является ошибочным. Ни общее соотношение классовых сил, ни развертывание классовой борьбы и ее ближайшие перспективы этим лозунгом отнюдь не выражаются». Эту позицию генеральный секретарь Профинтерна Соломон Абрамович Лозовский расценил как «чудовищное извращение линии Коммунистического Интернационала». «Почему тактика «класс против класса» непригодна в Латинской Америке? Непонятно. Может быть, отменить и классовую борьбу для стран Южной и Караибской Америки. Прошу Политкомиссию рассмотреть этот вопрос, ибо такого рода «исправление» тактики Коминтерна может завести слишком далеко»³⁵. Тогда Скалову пришлось отказаться от своих «заблуждений», но впоследствии эта идея стала брать верх, и не только в Лендерсекретариате, но и во всем Коминтерне.

В отношении к Престесу в литературе нередко противопоставляются секретарь ИККИ Д.З.Мануильский, с которым у «рыцаря надежды» сложились товарищеские отношения, и Скалов, «тормозивший» вместе с его выдвиженцами в Коммунистической партии Бразилии во главе со вчерашним анархистом Антонио Мирандой прием Престеса в партию»³⁶.

С подобными оценками и интерпретациями сложно согласиться. Скалов являлся функционером Коминтерна, чиновником, *назначенным* на работу в аппарат международной компартии, прямым подчиненным Мануильского, члена Политкомиссии и Политсекретариата ИККИ, *избранного* на эти посты. И понятно, что в этом качестве Скалов мог давать Мануильскому советы, высказывать мнение, апеллировать к другим инстанциям в случае своего несогласия с его линией, интриговать, как это принято в любой бюрократической структуре. Так бывало в Коминтерне. Но он не мог проводить противоположную линию. У него просто не было соответствующих полномочий.

Стоит также отметить, что и Мануильский далеко не всегда был сторонником Престеса. Именно он в 1929 г. от имени Коминтерна отказал представителю Престеса в финансовой поддержке «непобедимой колонны», а в 1930 г. на заседании Президиума ИККИ критиковал тогдашнее руководство РСВ (Астрожилду Перейру) за сотрудничество с Престесом³⁷. Нельзя забывать чисто техническую, но чрезвычайно важную деталь: Комин-

терн являлся организацией бюрократической и закрытой, и Престесу для общения с одним из его высших руководителей необходимо было разрешение. Не будучи официальным сотрудником ИККИ, он не мог иметь постоянного пропуска. Следовательно, ему выписывались временные пропуска, а это делали сотрудники ИККИ, в нашем случае — Лендерсекретариата ЮКА.

Сотрудник ИЛА РАН А.В.Харламенко в своей работе справедливо указывает на роль немецкого коммуниста, эмиссара Москвы Артура Эверта в переоценке Коминтерном роли Престеса. Но подлинным «фанатом» Престеса был другой делегат ИККИ в Южноамериканском бюро Коминтерна — Август Гуральский. Важным итогом систематических встреч Гуральского и Эверта в Буэнос-Айресе и Монтевидео стало приглашение бразильского революционера в СССР. Начало сложному процессу положило письмо из Южноамериканского бюро в Москву о ситуации с Престесом: после решительного осуждения региональным органом Коминтерна создания Лиги революционного действия, «рыцарь надежды» пошел на ее роспуск, призвав своих сторонников к вступлению в «компартию — единственную партию пролетариата...». «Эта формулировка, — отмечал Гуральский, — для нас оказалась наиболее опасной. Мы обвинили его в разложении компартии, запретили использовать его типографии и т.д. и т.п. Отдельные товарищи предлагали не вести с ним никаких больше разговоров и пр. В настоящее время троцкисты и Жозиа-Плинио³⁸ всячески хотят его заполучить в ком[мунистическую] лигу, там большинство его людей.

Несмотря на остроту нашей критики и борьбу с ним в настоящее время, он не хочет рвать с нами. Частным образом он говорил, что если бы ему предложили переехать в [Советский] Союз с семьей, он бы на это пошел. «Ему тяжело, мол, уйти от борьбы, но он не хочет бороться против компартии». Да, во время последних событий он предлагал нам вступить в компартию на каких угодно условиях и т.д. и т.п. Как Вы смотрели бы на его переезд в Союз /он инженер высокой квалификации/»³⁹.

В июне 1931 г. Лендерсекретариат ЮКА, который вот уже полгода как фактически возглавлял Скалов, сообщил о положительном решении вопроса о приезде Престеса для работы по специальности и близкого ознакомления со всем ходом социалистического строительства. При этом ставилось условие: публикация декларации с признанием компартии единственным организатором рабоче-крестьянской и антиимпериалистической революции; осуждение своего прошлого пути как ложного и призыв к сторонникам вступать в компартию и бороться под ее руководством; заявление о том, что уезжает в СССР «не для того, чтобы порвать с революцией в Бразилии, но для того, чтобы видеть строительство социализма, принять в нем участие, поучиться опыту сильнейшей КП Коминтерна, добиться того, чтобы стать коммунистом и вернуться обратно не только готовым отдать свои силы на службу революции, но и вооруженным теорией марксизма-ленинизма»⁴⁰.

Лендерсекретариат ЮКА обозначил четкие границы деятельности и заявлений РСВ по вопросу о бывшем лидере тенентистов: «поскольку наше согласие на приезд Престеса в СССР означает попытку сделать из него нашего действительного друга, необходимо, чтобы КП Бразилии, продолжая политическую борьбу против «престизма» как одной из форм мелкобуржуазного влияния на рабочий класс и партию, не вела кампании по пер-

сональной дискредитации Престеса, — вроде заявлений, что «Престес — это бразильский Чан Кай-Ши* (так в тексте. — В.Х., Л.Х.), что ни с какой точки зрения не верно. КП может приветствовать декларацию Престеса как доказательство его готовности порвать со своими прежними ошибками, но подчеркнуть в то же время и необходимость дальнейшей борьбы с «престижем» как особой теорией и организацией, и то, что только результатами своей поездки в СССР Престес может заслужить действительное доверие пролетариата»⁴¹.

Под письмом нет подписи, но не вызывает сомнений то, что его автором или, по крайней мере, соавтором являлся Скалов. Между тем данный документ являлся программой работы по вовлечению Луиса Карлоса Престеса в орбиту деятельности Коминтерна. Можно предположить, что «идеи 1934 г.» начали вызревать в кабинетах III Интернационала уже тогда. И совершенно очевидно, что выбор ключевой фигуры революционных событий был сделан задолго до бразильского восстания.

С момента приезда Престеса в Москву проходил очень непростой процесс осмысления возможности его использования. Скалов и Гуральский действительно постоянно полемизировали по этому и другим вопросам. Очевидно, помимо идейных, имели место и личные разногласия, борьба за влияние.

В этих спорах участвовал и сам Престес. Пожалуй, одной из самых удивительных в истории науки была организованная кабинетом ЮКА Института мирового хозяйства и мировой политики (возглавлявшимся Скаловым) «Дискуссия о престиже (движении мелкой буржуазии в Бразилии)». Открывая ее, В.Мирошевский представил докладчика следующим образом: «Во всем мире нет ни одного человека, который знал бы историю престижа так хорошо, как тов. Фернандес. В течение многих лет тов. Фернандес смотрел на мир глазами Престеса, и ему лучше, чем кому-либо другому известны сложные перипетии того извилистого пути, по которому шел Престес. Но вместе с тем между тов. Фернандесом и гражданином Престесом глубокая пропасть. Престес был мелкобуржуазным политическим деятелем, которому была чужда идея гегемонии пролетариата, он неудачно пытался копировать якобинцев Великой французской революции. Тов. Фернандес стремится занять место в боевых рядах коммунистического авангарда, он понимает, что подлинными якобинцами наших дней могут быть только люди, связанные с пролетариатом и вооруженные марксистской теорией. Поэтому, если бы какая-нибудь чудесная «машина времени» перенесла Престеса из 1922—1925 гг. в наши дни, в наши ряды, на наше собрание, то, вероятно, ему показалось бы чуждым и непонятным многое из того, о чем сегодня будет докладывать тов. Фернандес»⁴². И действительно, кто мог знать «рыцаря надежды» лучше, чем он сам, перенесенный

* Чан Кай-Ши (наст. имя Цзян Цзешу) (1887—1975) — китайский государственный и общественно-политический деятель, глава (с 1927 г.) революционной гоминьдановской администрации. Внутри партии Гоминьдан считался сторонником левого крыла, являлся командующим Национально-революционной армией, сотрудничал с СССР. Один из организаторов знаменитого «Северного похода» 1926—1927 гг. Весной 1927 г. совершил контрреволюционный переворот, порвал с коммунистами и СССР и установил в стране режим личной власти. После поражения в китайской гражданской войне в 1949 г. закрепился с остатками армии на о. Тайвань, ставшем фактически самостоятельным государством. Пекин считает остров частью КНР.

Георгий Борисович Скалов (Синани)

в Москву 1934 г. без всякой машины времени, волей Коминтерна. Присутствовавшие в зале, видимо, были осведомлены, что Престес и товарищ Педро Фернандес — одно лицо. Очевидно впоследствии, учитывая парадоксальность ситуации, при которой «течение бразильской мелкой буржуазии» носило имя вождя компартии, советские ученые переименовали его из «престижа» в «тенентизм».

Вся III конференция компартий была пронизана духом противоречий, вытекавших из самой сути готовившегося поворота. Не были исключением и высказывания Синани, прямо заявившего: «...не все из того, что я скажу, является таким, за что я был бы уже готов драться до конца. Это мысли вслух. Нужно обменяться мнениями. Но <...> это не пустая импровизация, а те положения, которые занимают меня на сегодняшний

день»⁴³. В начале доклада звучат слова: «Мы стоим перед крупными революционными боями. Идея штурма зреет в сознании масс. Вся обстановка говорит за то, что нарастание идеи штурма приведет к крупнейшим боям за власть в ряде стран ближайшее время», с пониманием воспринимаемое делегатами». Но фраза, произнесенная им уже через несколько минут, явно ошеломила присутствующих: «...необходимость слияния с самыми широкими массами, диктуемая нам всей революционной обстановкой, может быть связана с тем, чтобы несколько продолжить эту тактику единого фронта, *толкую ее как соглашательство с мелкобуржуазными и буржуазными партиями*» (выделено нами. В.Х., Л.Х.)). В протоколе записано: «тов. с мест просят тов. Синани еще раз повторить это место», и он терпеливо разъясняет: «Вот это применение тактики единого фронта, борьба за слияние с массами может порождать тенденцию соглашательства с нашими противниками», «и не только может, но и неизбежно будет» и призывает к борьбе против «сектарианства, который мешают нам слиться с массами»⁴⁴.

Скалов указывает на объекты возможного сотрудничества и на рамки нового подхода. В Аргентине, отмечал он, недопустимо, чтобы коммунистическая партия выступила против социалистической, провозгласив лозунг «Долой социал-фашизм» и ведя «какую-то изолированную борьбу против социал-фашизма и изолированную борьбу против правительства, изолированную борьбу против господствующего класса». В Перу, по словам Скалова, задача местной компартии состояла в том, чтобы «найти доступ к массам, которые идут сегодня за APRA. Поэтому нужно будет идти на организацию борьбы на основе тактики единого фронта с целым рядом

низовых организаций»⁴⁵. В Чили коммунистам предлагалось разоблачать «несостоятельность гровизма* как политической партии, которая объединяет национал-реформистские и мелкобуржуазные элементы...», но одновременно подчеркивалось, что основным объектом критики, «удара» должны быть «карабинеры и полиция Алессандри**», а не «гровизм». На Кубе руководитель Лендерсекретариата полагал необходимым формирование «широкого антиинтервенционистского фронта с участием аутентиков***, с участием Грау» в качестве первоочередной меры; при этом он допускал и включение в данную структуру части представителей партии АВС**** и настаивал на том, чтобы коммунисты предприняли соответствующие шаги⁴⁶.

Слова «Народный фронт» Скалов не произносит, но идея четко прописана во всем выступлении. Термин же «соглашательство» звучит в его устах не как ругательное для коммуниста слово, а как обозначение принципиально новой тактики. Для товарищей докладчика эти заявления прозвучали словно гром среди ясного неба. Жена Гуральского Инесс Тульчинская попыталась поправить Скалова: «Товарищ перевел «слияние» с массами, говорил ли ты о слиянии или о связи с массами»? Ответ не оставлял много возможностей для толкования: «Я не знаю, как это перевести ... но Ленин ставил именно так, я не знаю, как это звучит для перевода, но чтобы было ясно — слияние есть растворение в массах...эта борьба внутри масс *может порождаться тенденциями соглашательства и не только может, но и неизбежно будет*, и поэтому, борясь против сектарианизма, который мешает нам слиться с массами, в том смысле, в каком я говорил сейчас, необходима решительная борьба в рядах нашей партии»⁴⁷. При этом функционер ИККИ напомнил: «Всей обстановкой правая опасность отнюдь не снимается»⁴⁸.

Многие положения выступления Г.Скалова на конференции были явно созвучны мнению высшего руководства III Интернационала. Запись его доклада в протоколе сопровождается частыми репликами Мануильского: «Правильно». Не все тезисы, озвученные с трибуны, были связаны с новыми идеями, но благожелательное отношение одного из высших руководителей Коминтерна к духу доклада очевидно. Сам же секретарь ИККИ в за-

* Полковник Мармадуке Грове — руководитель военной хунты, провозгласившей 3 июня 1932 г. Социалистическую Республику Чили. По оценке Коминтерна он являлся лидером национал-реформистского крыла Социалистической партии Чили (Partido Socialista de Chile, PSCh), руководителем и центральной фигурой «левого блока» в стране. — Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. Материалы. М., 1935. с. 411.

** Артуро Алессандри Пальма — президент Республики Чили (1920—1924, 1925 и 1932—1938 гг.).

*** Кубинская Революционная партия (аутентиков) (Partido Revolucionario Cubano (auténtico), PRC(a) — национал-реформистская партия, основанная в 1934 г. профессором Рамоном Грау Сан-Мартинем, возглавлявшим в ходе антидиктаторской революции 1933 г. «Правительство ста дней».

**** Террористическая организация, боровшаяся против диктатуры Херардо Мачадо (1925—1933). Подпольные группы именовались буквами алфавита, и вся организация получила название АВС. — Л.Ю.С л е з к и н. История Кубинской Республики. М., 1966, с. 211. Коминтерн оценивал в этот период АВС как «реакционную (фашистствующую) партию, связанную с испанской торгово-промышленной буржуазией на Кубе и другими иностранными предпринимателями», основную социальную базу которой составляли испанские торговые служащие. — Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. Материалы. М., 1935, с. 415.

Луис Карлос Престес, 1935 г.

ключительном слове в основном говорил о переходе к «новому периоду, когда стоит вопрос о завоевании власти в некоторых странах Латинской Америки» и центральным пунктом обозначил ситуацию в Бразилии⁴⁹. У Д.З.Мануильского не вызывал сомнений тезис о быстром движении Бразилии к революционной ситуации, т.е. к фактической революции. Выбор, по его мнению, был простым: «...будет ли создано крупное буржуазное государство или будет создано крупное советское государство, будет ли создано государство это буржуазией или оно будет создано бразильской компартией»⁵⁰.

Бразильская советская революция, по мысли Мануильского, должна была, во-первых, обострить противоречия между США и Англией; во-вторых, революционизировать все страны Ла-

тинской Америки, поднять их на более высокую ступень. «Партия имеет прекрасных агитаторов, прекрасные имена. Партия имеет таких людей, как Престес. Но ни агитация, ни одно имя не создадут такого положения, как агитация Советского Союза и Бразилии»⁵¹. При этом он ясно выразил мнение о том, что РСВ «еще недостаточна для серьезной буржуазно-демократической революции и для советской революции... Ваша партия еще не обстреляна, она еще не была в огне. Эта партия в борьбе закалится и превратится в крепкую большевистскую партию, умеющую правильно маневрировать»⁵².

Удивляет настоящий спектакль, разыгранный одним из высших иерархов Коминтерна перед латиноамериканскими соратниками. В ответ на просьбу генсека РСВ А.Миранды о помощи Коминтерна Мануильский обещал серьезно обсудить бразильский вопрос «в какой-нибудь специальной комиссии», где вопрос будет поставлен «на чисто деловую почву». «Но я думаю, что не нужно здесь создавать иллюзий. Основная и главная тяжесть всей борьбы за бразильскую революцию падет на плечи наших молодых бразильских товарищей. Я думаю, что конкретная помощь партии может последовать от других стран Латинской Америки. Я почти убежден, что Коминтерн, так сказать предоставит бразильским товарищам здесь решающее слово. И от вас будет зависеть выбор момента, и от вас будет зависеть дальнейшее развитие событий в бразильской революции. И несмотря на все ваши трудности, несмотря на молодость вашей партии, я глубоко убежден, что в ближайшее время красное знамя Советов будет высоко реять над Бразилией. В этом я убежден и, товарищи, со всей серьезностью мы обсудим с бразильской делегацией вопрос о мерах, обеспечивающих эту победу»⁵³.

Анализ этих материалов заставляет задаться целым рядом вопросов. Откуда в Коминтерне взялась уверенность в наличии в Бразилии революционной ситуации? Кто убедил в возможности революции: дистанционно

новое руководство РСВ в лице Миранды, находившийся в Москве Престес, работники Лендерсекретариата ЮКА (Скалов, Гуральский)? Почему аппарат Коминтерна так резко отказался от линии, которой придерживался на протяжении полутора десятков лет: никакой поддержки вооруженным выступлениям? И главное, почему это происходило одновременно с разработкой идеологии Народного фронта?

Почему Мануильский обещает обсудить с делегатами РСВ то, чем его комиссия интенсивно занималась вот уже семь месяцев? Понятно, что он исходил и из соображений конспирации, но зачем понадобился этот театр одного актера в зале, наполненном единомышленниками? Почему Скалов, являвшийся движущей силой подготовки бразильского восстания, оказался на скамье подсудимых по печально знаменитому «кремлевскому делу»; ведь его отсутствие во многом снизило уровень военно-технической подготовки всего мероприятия, предпринятого Коминтерном в Бразилии?

Список этих вопросов по мере изучения архивных документов лишь расширяется. Не вызывает сомнений, что планы подготовки восстания в Бразилии в 1935 г. (и в целом виражи тактики ИККИ этого периода) обуславливались не только глубоким анализом ситуации, но и случайными обстоятельствами, вопросами взаимоотношений внутри коминтерновского и советского руководства. Все это делает неизбежным повторное обращение исследователей к данной теме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ F.Moraes, Olga. Companhia das Letras. São Paulo, 1992.

² Б.И.Коваль. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005.

³ W.Wack. Camaradas. — Nos arquivos de Moscou: a historia secreta da revolução brasileira de 1935. São Paulo, Companhia das letras, 1993.

⁴ С.Розенталь. Коминтерн и ноябрьское восстание в Бразилии. — Родина. 2013, № 10 (специальный выпуск), с. 40—48; И.И.Янчук. На пути к Народному фронту: 3-я конференция латиноамериканских коммунистов. — Латиноамериканский исторический альманах, 2002, № 3, с. 151—180.

⁵ 2-ой конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Петроград, 1921, с. 133.

⁶ Тогда же с подачи Айя де ла Торре РСМ впервые обратила внимание ИККИ на деятельность Х.К.Мариатеги, «проделавшего большую, открыто коммунистическую работу» в Перу. — Письмо МДР [М. Диаса Рамиреса] Эдгару [Booga]. Мехико, 12 января 1924 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 41, л. 2.

⁷ L.A.Sanchez. Naya de la Torre y el APRA. Lima, 1980, p. 139.

⁸ Письмо Штирнера [Booga]. Айя де ла Торре. [1924]. — Там же, л. 15; Письмо [Booga] дорогому АДЛТ [Айя де ла Торре]. Москва, 27 октября 1924 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 41, л. 1.

⁹ Там же, л. 30—32.

¹⁰ V.R.Naya de la Torre. ¿Qué es el A.P.R.A.? — РГАСПИ, ф. 495, оп. 118, д. 3, л. 7 об. Основные положения программы были опубликованы В.Р.Айя де ла Торре в английском марксистском журнале «Labour Monthly» в декабре 1926 г.

В официальной истории APRA (первоначальное название — Народно-Революционный Индоамериканский Альянс) датой основания считается 7 мая 1924 г. Однако, как указывает Р. Луна Вегас, в этот день ничего, кроме передачи Айя де ла Торре знамени и герба от имени Федерации студентов Перу президенту Федерации студентов Мексики Л. де Ларреа, не было. — R.Luna V e g a s. Contribución a la Verdadera Historia del APRA 1923—1928. Lima, 1990, p. 18. Кроме того, и в Москву Айя де ла Торре поехал бы как представитель АПРА, а он ни разу даже не упомянул об его существовании.

¹¹ Descomposición del A.P.R.A. — La correspondencia sudamericana (Buenos Aires), 1929, № 19, p. 23—24.

¹² В то время в Чикаго находилось руководство Рабочей (коммунистической) партии Америки (Workers' (Communist) Party of America, W(C)PA.

¹³ Письмо В.Р. Айя де ла Торпе Э.Павлетичу 15 апреля 1926 г. — Цит. по: R. L u n a V e g a s. Contribución a la Verdadera Historia del APRA 1923—1928, p. 20.

¹⁴ Письмо В.Р. Айя де ла Торпе Лозовскому. 14 апреля 1927 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 118, д. 2, л. 49.

¹⁵ Из соображений конспирации называлась конференцией в Монтевидео.

¹⁶ Постоянная комиссия по делам Южной и Караибской Америки от 16-III -34 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 197, л. 16.

¹⁷ Так в тексте документа обозначалась Бразилия.

¹⁸ [Записка]. 17/III-34 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 197, л. 17.

¹⁹ Особый план кабинета ЮКА на 1934 г. 19/IV-34 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 197, л. 18.

²⁰ Начальник IV (Разведывательного) Управления Генштаба РККА.

²¹ В конечном итоге для этой роли был отобран Павел Стучевский, работавший в Бразилии под псевдонимом «Леон Жюль Вайе» и сумевший, несмотря на арест после поражения восстания, уйти от бразильской полиции и вернуться в СССР.

²² Миф П.А. (Фортус М.А.). Заместитель заведующего Восточным секретариатом ИККИ (1928—1935), ректор Коммунистического университета трудящихся Китая.

²³ Второе заседание комиссии по делам ЮКА. 25-го апреля 1934 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 197, л. 19.

²⁴ Б.И.К о в а л ь. Революционный опыт XX века. М., 1987, с. 196.

²⁵ Б.И.К о в а л ь. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005, с. 143. Кстати, оценка деятельности Скалова в 1935 г. была несколько иной. Одним из пунктов обвинения при исключении Георгия Борисовича из партии было то, что он якобы «стремился прикрыть меньшевистско-троцкистские и правооппортунистические взгляды» контрреволюционеров Сафарова и Мадьяра и «сам неоднократно допускал подобные ошибки». — Постановление заседания парткома от 10 марта 1935 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 65а, д. 4569, л. 96.

²⁶ Б.И.К о в а л ь. Трагическая героика XX века... с. 143.

²⁷ Пожалуй, самым убедительным доказательством приверженности руководства Коминтерна идее о необходимости применения китайского опыта к революционному процессу в Латинской Америке является назначение вместо Г.Скалова 11 февраля 1935 г. заместителем заведующего Лендерсекретариатом Южной и Центральной Америки Владимира Николаевича Кучумова, весь опыт работы которого в международной коммунистической партии был связан с Дальним Востоком. Он являлся заведующим иностранной группой Коммунистического университета трудящихся Востока, инструктором ЦК компартии Китая и уполномоченным делегации ИККИ в Китае, проректором Коммунистического университета трудящихся Китая, заведующим дальневосточной секцией Восточного секретариата ИККИ, представителем ИККИ в Монголии, автором книги «Очерки по истории китайской революции» (М., 1934). — Л.С.Х е й ф е ц. Латинская Америка в орбите Коминтерна. (Опыт биографического словаря). М., 2000, с. 88.

²⁸ Стенограмма из протокола заседания парткома от 10/III-35 г. Слушали: о тов. СИНАНИ. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 65а, д. 4569, л. 80. В литературе, с подачи экс-генерального секретаря компартии Перу Эудисио Равинеса, позднее перешедшего на антикоммунистические позиции и работавшего в Информационном агентстве США, эта линия получила название «Яннаньский путь». — E. R a v i n e s. The Yennan Way. New York, 1951.

²⁹ Стенограмма из протокола... л. 86. Удивительно, но Д.З.Мануильский почему-то на заседании парткома не присутствовал и никоим образом не попытался разъяснить ситуацию, а работа по подготовке бразильского восстания продолжалась по плану, разработанному Скаловым, и после его исключения из партии и осуждения на процессе по «кремлевскому делу».

³⁰ Записка Молотова Сталину. 6/VIII-30 г. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 39, л. 59.

³¹ А.В.Х а р л а м е н к о. Первое антифашистское восстание Латинской Америки. — <http://propaganda-journal.net/print/3017.html>

³² Автобиография Георгия Борисовича Скалова, члена ВКП /б/ с 1919 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 65а, д. 4569, л. 35.

³³ Стенограмма заседания Латино-Американского Лендерсекретариата 27.III. 34 г. Выступление Синани. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 193, л. 206.

³⁴ Там же, л. 207.

³⁵ А. Л о з о в с к и й. В Политкомиссию ИККИ Копия т. Синани. О добавлении к тезисам: Задачи Латино-Американских Компартий в профдвижении. 18 июля 1932 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 171, л. 58.

³⁶ А.В.Х а р л а м е н к о. Указ. соч.

³⁷ L.S.J e i f e t s, V.J e i f e t s, P.H u b e r. La Internacional Comunista y América Latina, 1919—1940. Diccionario biográfico. Ginebra, 2004, p. 192.

³⁸ Речь идет о Жозиасе Леоне Карнейро Леане (Лейтане) и Плиниу Мело. Карнейро Лейтан — бразильский журналист, член РСВ, участник «Колонны Престеса». В начале 1929 г. по собственной инициативе побывал в Москве с целью добиться поддержки для «Колонны Престеса», однако Д.З.Мануильский отказал ему в этом. По возвращении в Бразилию Карнейро Лейтан основал вместе с П.Мело региональный комитет РСВ в Сан-Паулу. ЮАСКИ обвинил его в попытке создать «легальную компартию» для помощи правительству, позднее он был исключен из РСВ. Работал в бразильском консульстве в Бремене.

Мело, Плиниу Гомеш де (1900—1990) — бразильский коммунист, студент и журналист, работал в газетах «Folha de Noite» и «A Esquerda». Руководитель Рабоче-крестьянского блока в Сан-Паулу и кандидат РКБ в парламент страны (1930 г.). Накануне выборов был арестован и выслан в Уругвай, где участвовал в заседании ЮАСКИ и представил доклад о положении в Рио-Гранде-до-Сул. В том же году выступил в поддержку Либерального альянса. Был исключен из РСВ, но продолжая считать себя коммунистом, участвовал в создании «легальной компартии». Позднее стал одним из организаторов Социалистической партии в Сан-Паулу, еще позже присоединился к троцкистам. — R.J. A l e x a n d e r. Communism in Latin America. New Brunswick, 1957, p. 99—100. Под «коммунистической лигой» подразумевается одна из троцкистских организаций.

³⁹ Письмо К. Степ.[анову]. 27.3. 1931. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 152, л. 40—41. Гуральский не скрывал своего восхищения неопитом коммунистического движения, говоря: «Престес создан из самого лучшего, что имеет революция в прошлом. Если бы я был бразильцем, я был бы в колонне Престеса». — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 215, л. 137. Глубокую признательность сохранил к своему ментору и Престес, писавший через годы, что Рустико помог стать ему «солдатом последовательно революционного отряда — коммунистического и рабочего движения». — Л.К.П р е с т е с. Выбор, сделанный полвека назад. — Проблемы мира и социализма, 1973, № 1. Правда, при этом генсек Бразильской Коммунистической партии (Partido Comunista Brasileiro, РСВ) не назвал более известный его псевдоним, ставший фамилией (Гуральский). Или он сам хорошо помнил, что фамилию нереабилитированного «врага народа» нельзя называть, или бдительный редактор «Проблем мира и социализма» вычеркнул.

⁴⁰ Письмо Латиноамериканского секретариата ИККИ Южноамериканскому Бюро ИККИ 22 июня 1931 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 153, л. 59.

⁴¹ Там же, л. 60.

⁴² Колониальные проблемы. Сборник второй. М., 1934, с. 228.

⁴³ Стенограмма выступления Синани на 3-й конференции К[оммунистических] п[артий] [стран Южной и Карибской Америки]. Москва, 20 октября 1934 г. Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М., 1998, с. 230.

⁴⁴ Там же, с. 229.

⁴⁵ Там же, с. 253.

⁴⁶ Стенограмма выступления Синани на 3-й конференции К[оммунистических] п[артий] [стран Южной и Карибской Америки], с. 251.

⁴⁷ Там же, с. 229—230.

⁴⁸ Там же, с. 230.

⁴⁹ 3-я конференция компартий Южной и Карибской Америки. Москва, 16-28 октября 1934 г. Выступление Д.З.Мануильского (Стенограмма, 27-го октября 1934 г.). — Латиноамериканский исторический альманах, 2002, № 3, с. 164.

⁵⁰ Там же, с. 166.

⁵¹ Там же, с. 167.

⁵² Там же, с. 168.

⁵³ Там же, с. 170.